

Реформирование властных структур в имамате Шейха Мансура

Ибрагим Дагаевич Хабаев

Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия,
ibragim_habaev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена государственно-правовому строительству в имамате Шейха Мансура. Автор, изучив все доступные научные публикации и материалы о жизни и деятельности «первого имама Кавказа», а также движения, названного его именем, в целом раскрывает основные направления эволюции структур власти созданного им государства. Несмотря на относительную скудость правовых источников, касающихся данной тематики, в работе изложены наиболее существенные аспекты реформ административно-территориального управления, социальной политики, фискальной службы и военного ведомства имамата.

Ключевые слова: Шейх Мансур, имамат, реформы, административно-территориальное деление, социальная политика, законодательство, военное строительство, гвардия, налоги, фискальная служба

Для цитирования: Хабаев И. Д. Реформирование властных структур в имамате Шейха Мансура // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 1. С. 18–24. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-18-24>. EDN YUKVDU

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

Reforming the power structures in the imamate of Sheikh Mansour

Ibrahim D. Khabaev

Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia, ibragim_habaev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to state-legal construction in the imamate of Sheikh Mansour. Having studied all available scientific publications and materials on the life and work of the «first Imam of the Caucasus», as well as the movement named after him, the author reveals the main directions of the evolution of the power structures of the state created by him. Despite the relative scarcity of legal sources related to this topic, the work outlines the most significant aspects of the reforms of administrative and territorial administration, social policy, fiscal service and the military department of the imamate.

Keywords: Sheikh Mansour, imamate, reforms, administrative and territorial division, social policy, legislation, military construction, guard, taxes, fiscal service

For citation: Khabaev I. D. Reforming the power structures in the imamate of Sheikh Mansour. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(1):18–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2024-1-1-18-24>. EDN YUKVDU

Начавшееся весной 1785 г. народно-освободительное движение горцев Северного Кавказа во главе с «алдынским имамом» Шаабазан Ушурмой более известным как Шейх Мансур к исходу третьего этапа своего политического развития завершившегося в конце 1788 г. сформировало основные структуры власти имамата. Однако по мере активизации антифеодальной борьбы горцев за свои социально-политические права, а также в связи с необходимостью одновременного противостояния начавшейся военной агрессии царизма с целью колонизации северокавказского региона Мансур приступил к реформированию государственных структур

имамата. Общественно-политическая ситуация сложившаяся к тому времени на Кавказе и в первую очередь в самой Чечне требовала серьезных перемен и переустройства общественного уклада и жизни горских народов.

Свои преобразования Мансур начал с административно-территориальной реформы, затронувшей все субъекты, вошедшие в его состав. С ее завершением имамат представлял собой единую конфедерацию этнонациональных земель, которые управлялись с помощью выработанных веками местных адатов и традиционных систем управления, характерных для народов их населявших. Легитимность решений выносимых этими органами на местах с провозглашением имамата признавалась только при условии их непротиворечия нормам шариата. Территориально союз горцев состоял из исторически сформировавшихся территорий современной Адыгеи, Балкарии, Дагестана, Ингушетии, Кабарды, Карачая, Осетии, Черкесии и Чеченской Республики, административные границы которых были очерчены лишь после установления Советской власти.

Официальной административно-территориальной единицей имамата Мансура было провозглашено село из-за того, что «во многих поселениях имелось смешанное население, территориальные границы не были четко очерчены, т.к. народы жили чересполосно, часто происходили миграции населения» [1] и посему создание национальных образований внутри имамата могло бы способствовать пограничным конфликтам и межнациональным распрям. Помимо этих опасений в имамате, где господствующей религией был Ислам, все от имама до рядового гражданина знали, что их религия не поощряет установление границ между мусульманами. Наоборот она требует, чтобы умма Мухаммада (с.а.с.) была едина, о чем говорится в «Сахихах («достоверный», «правильный») – хадис, иснад которого был, с точки зрения мусульманских авторитетов, достоверным» [2, с. 208], что вероятно было на практике воплощено в имамате Шейха Мансура. Профессор Я.З. Ахмадов много лет изучавший историческую географию расселения этнического общества Аьккхи (аккинцы) выяснил, что «масса чеченцев исторически долго жила чересполосно с кумыками во многих селах Северного Дагестана» [3, с. 52], а в наше время вследствие расширения границ и ареала проживания живут совместно. Поэтому к концу XVIII в. на Северном Кавказе по причине отсутствия территориального размежевания по этническому признаку не было создано мононациональных образований, а единственной административной единицей стало село.

Для получения сертификата о присвоении населенному пункту статуса села и его регистрации в государственном реестре имамата по «сацаму» [4, с. 74] – постановлению Высшего Совета, заверенному главой страны, поселенцы прежде должны были отстроить соборную мечеть. В связи с тем, что пятничные коллективные молитвы, требовавшие присутствия на богослужении определенного количества мусульман, совершались в джума-мечетях, их строили лишь в густонаселенных аулах имамата. В мелких аулах до определенного уровня популяции населения надобности в них не было, и их жители ограничивались наличием квартальной мечети. По «луналлу» [4, с. 185] – распоряжению имама любое поселение не имевшее статуса села не имело привилегий и сопряженных с ним государственных преференций из чего следует, что главная цель реформы заключалась в укрупнении населенных пунктов имамата. Строительство мечети была обязанностью «джамаата – территориальная община у народов Кавказа» [5, с. 920] как и прописано в Исламе и поэтому не финансировалось из казны имамата. Интересно, что в России «в период феодализма село было административным и хозяйственным центром феодального владения («Село с деревнями»): в нём находился господский («большой») двор. Наличие при большинстве таких дворов церкви обусловило позднейшее (19 в.) определение села как крупного крестьянского поселения с церковью, хозяйственного и административного центра для близлежащих деревень» [6, с. 205], т.е. в России «наличие церкви главным образом отличало село от деревни»¹ как и в государстве Мансура.

¹ Чем отличается село от деревни? [Электронный ресурс]. URL: <https://kipmu.ru/chem-otlichaetsya-selo-ot-derevni/> Дата обращения: 13.09. 2023 г.

С получением сельского статуса дела, по администрированию прежде являвшееся привилегией одного лишь «юрт да», от чеч. «юрт – село, селение, деревня, аул» [7, с. 419] и «да – отец» [8, с. 233] избираемого сходом сельчан перешла к духовнику, которого, как и остальных чиновников среднего звена утверждал сам Мансур. В помощь ему придавался «наиб (арабск. – наместник) – в некоторых странах Ближнего и Среднего Востока заместитель или помощник какого-либо начальника или духовного лица» [9, с. 57] на котором лежала основная нагрузка по ежедневному управлению селом. Русский историк П.Г. Бутков, находившийся по долгу службы на Северном Кавказе с начала XIX в. писал, что в исследуемую нами пору «первенствующий в селении называется кади, т.е. судья» [3, с. 242] решавший практически все вопросы, возникавшие в повседневной жизни села. В крупных чеченских анклавов и тайповых сообществах духовная власть вручалась «муфтию – знаток шариата, дающий разъяснение его основным положениям и принимающий решения по спорным вопросам в форме особого заключения (фатвы), основываясь на принципах шариата и прецедентах» [2, с. 176–177] в компетенции которого находились вопросы судебной практики и правовой защиты граждан. Имамы-хатыбы, кадии, муллы и наибы по иерархии подчинялись ему.

На основании решения Высшего Совета имамата Мансур велел создать при каждой мечети систему управления по исполнению некоторых государственных функций, среди которых регистрация браков, разводы, социальное обеспечение населения, образование и т.д. Иными словами на мечеть официально возложили функцию, которую она выполняла до создания имамата. Так, например, запись актов гражданского состояния села заносили в специальную книгу «дафтар – тетрадь» [10, с. 104], хранящуюся при мечети и представляющую собой журнал учета, где фиксировалась информация о заключении «махра - имущество, выделяемое мужем жене при заключении равноправного брака (завадж)» [2, с. 164], рождении и смерти граждан. Как известно так называемые бесписьменные народы Северного Кавказа, среди которых значились и чеченцы после окончательного утверждения Ислама в XVI в. освоили арабскую грамоту. Когда алимы Чечни создали чеченский «букварь – абат» [11, с. 55] на основе арабского алфавита документация в мечетях стала вестись на родном языке. Сам Мансур тоже был занесен в подобный дафтар алдынской мечети в 1760 г. Аналогичным образом велись записи и во всех остальных мусульманских регионах Северного Кавказа входивших в состав имамата.

Здесь же в мечети чиновники фискальной службы совместно с администрацией сел принимали «закят – налог в пользу нуждающихся мусульман» [2, с. 74] свозимый жителями, чей денежный доход, а также движимое и недвижимое имущество достигало установленной в исламском праве нормы, при достижении которой каждый мусульманин был обязан его уплачивать. Размеры закята как очистительной меры и одного из пяти столпов Ислама четко оговорены в шариате и взимаются в виде определенного процента от денежных доходов граждан, приплода скота и собранного ими объема зерновых культур.

Согласно 60-го аята 9-й суры Корана «ат-Тавба» – «Покаяние» эти «Пожертвования предназначены для нищих и бедных, для тех, кто занимается их сбором и распределением, и для тех, чьи сердца хотят завоевать, для выкупа рабов, для должников, для расходов на пути Аллаха и для путников. Таково предписание Аллаха. Воистину, Аллах - Знающий, Мудрый» [12, с. 212]. Учет граждан имеющих право на получения закята постоянно обновлялся, и их списки хранились в мечетях, выполнявшей в этом случае функцию органа социального обеспечения населения.

Исследователи отмечают, что в имамате Мансура были созданы все необходимые условия для оказания материально-финансовой помощи бедным слоям населения, а также социально-правовой защиты сирот, полусирот, вдов, должников, погорельцев, инвалидов и прочих категорий незащищенных граждан. Поэтому структура имамата в некоторой степени напоминала собой современную модель социального государства.

Социальная направленность государственной политики имамата подтверждается и в том, что за время его существования в Чечне сократились феодальные держания земель, а кумыкские, аварские и кабардинские князья, ранее приглашенные чеченцами в качестве посредников между ними и российской администрацией, были изгнаны. Княжеские земли, изъятые у них, были распределены в пользу чеченской бедноты ставшей надежной опорой новой власти. Еще одним доказательством того, что политика имамата основывалась на принципах социальной справедливости и равного перераспределения, материальных благ было то, что основная налоговая нагрузка в нем возлагалась на социально-имущественный класс, т.е. богатую прослойку общества. Львиная доля закята шла на пополнение казны имамата, так как данный вид налога был основным источником налоговых поступлений в стране.

Кадии сел, имамы мечетей и фискалы после раздачи неимущественной доли закята оставшуюся часть передавали в «хазна – казну» [7, с. 334] государства. В условиях войны она шла на укрепление обороноспособности страны, ее границ и ведение войны.

Другой, но низшей по статусу административно-территориальной единицей Чечни, являлся «куп – квартал (жилой район)» [7, с. 159], состоявший из 20 домов. Его главой назначался «туркх – глашатай, крикун» [8, с. 576] следивший за нравственностью граждан, исполнением религиозных традиций и обычаев народа, общественной безопасностью, экологической и моральной чистотой в купе. Организация общественных мероприятий, «белхи – сложный по своей структуре обычай, в центре которого находился совместный бескорыстный, неоплачиваемый труд» [13, с. 87], свадеб, похорон, санитарной очистки села, базарной и сельской площади, каналов, обустройство кладбищ, а также многие другие общественно-полезные работы на вверенной ему территории вменялись ему в обязанность. В случае нарушения закона или превышения им должностных обязанностей туркх нес уголовную ответственность перед шариатским судом, а в случае нарушения обычаев и традиций народа и по местному адату. Нужно отметить, что исполнению своих указов и распоряжений Мансур придавал первостепенное значение и не терпел правового нигилизма, как со стороны чиновников государственного аппарата, так и рядовых граждан и обывателей. Для ужесточения мер, за невыполнение изданных им нормативных актов, «Мансур стал приводить к присяге народ в подвластных ему деревнях и требовать от них неукоснительного его исполнения. Так, например, придя в Андреевскую деревню (с. Эндери, или Андрей-аул), имам Мансур в начале 1786 г. собрал всех жителей, в том числе и аксаевцев, и привел их к присяге, потребовав от них: к российской стороне никого не пропускать для причинения вреда: за причинение вреда российской стороне брать штраф; наказывать за воровство; никаких торговых караванов не грабить»¹.

Перемены в общественно-политической жизни народов Северного Кавказа в связи с агрессией царских войск и постоянное пребывание горцев в состоянии перманентного вооруженного конфликта, обусловили начало военной реформы в имамате. Понимая, что для отпора врагу ему необходима хорошо вооруженная и экипированная армия с жесткой дисциплиной Мансур начал ее комплектовать сразу после первых вооруженных стычек с царскими войсками. Конечно, военные преобразования требовали от народа концентрации колоссальных людских и материальных ресурсов, ведь содержание регулярной армии всегда и во все времена была архисложной задачей.

Изыскание необходимых средств комплектации армейских частей и подразделений вынудила имама пойти на дополнительный налог с населения, поэтому «для содержания постоянного войска местное население было обложено Мансуром специальной податью: от каждой мечети (купа), т.е. с 20 дворов по одной скотине и по сабе (мешку) муки с каждого двора (дома). Для большей организованности, дисциплинированности и оперативности действий руководителем восставших решено было разбить повстанческие отряды на небольшие группы по 10 человек. Во главе каждой из таких групп должен был стоять тамада (начальник), и каждая

¹ ЦГА Республики Дагестан. Ф. Кизлярский комендант, д. 2635, ч. 2, л. 73.

такая группа располагала своим кошем»¹. Благодаря этим мерам Мансур смог собрать постоянное войско из 500 горцев, которые впоследствии стали основным ядром его будущей армии.

Новые налоги ложились тяжелым бременем на плечи измученного войной народа, но вскоре Мансуру пришлось идти на более радикальные меры, с чем были согласны не все горцы. Так весной 1786 г. он распорядился о выделении каждой мечетью Чечни по три человека для пополнения его армии. Об этом в своем рапорте на имя генерал-губернатора Кавказского наместничества П.С. Потемкина подробно пишет генерал Н. С. Шемякин. В его донесении говорится, что Шейх Мансур во главе отряда из 80-ти всадников прибыл к правому притоку Сулака р. Койсу и «требует от чеченцев с мечети по три человека и на содержание их по двадцати копеек со двора»², что было неукоснительно исполнено.

Когда к середине 1786 г. военные действия на Кавказе активизировались, Мансур приступил к формированию повстанческих отрядов, но уже не только в самой Чечне, но и на сопредельных с ней землях. Советниками Мансура в вопросах реорганизации войска стали «Али султан Чепалов-Муртазали, князь из деревни Эндери (Андреевской) кумык, а также Малой Кабарды князь Дол» [14, с. 24]. С их помощью Мансур подготовил законодательную базу по реформированию горской армии и ввел новые мобилизационные правила. На их основании он «стал требовать со всех горских деревень, с каждой мечети по два человека, а также десятую часть хлеба для прокормления находящихся при нем людей (из донесения бригадира Вешнякова от 9 апреля 1786 г.)» [14, с. 24]. Однако для некоторых регионов Кавказа он выдвинул более жесткие условия призыва новобранцев. К примеру «Жители Андреевской и Аксаевской деревень должны были выставить по 10 человек с мечети и по 60 коп. с каждого двора. То же самое Ушурма потребовал и с Костековской деревни» [14, с. 46], в которых преобладало также чеченское население. С чем было связано отступление имама от введенных им же правил, а также ультимативное требование об увеличении числа призывников и объемов подымной выплаты доподлинно нам неизвестно, хотя можно предположить, что причиной тому была их многолюдность и зажиточность.

Все свое «войско – бIуо» [8, с. 168] Мансур разделил на подразделения по 10 и 50 «воинов – бIаьхуо» [8, с. 166] во главе с «тхьамда – предводитель» [8, с. 580], и сотни под командованием «баьчча – вождь, предводитель» [8, с. 125]. В своем обращении к войску, численность которых по некоторым оценкам колебалась в пределах 20-25 тысяч «всадников – дуошлуой» [8, с. 279] и «пехотинцев – гIашсалти» [15, с. 449], Ушурм-шейх категорически «запретил каким бы то ни было отрядам идти к российской стороне без его ведома и приказал наказывать за воровство и грабеж, даже если эти деяния совершались на российской стороне» [16, с. 24].

Поначалу в целях обеспечения личной безопасности имама односельчане Мансура «составили вокруг него особую стражу, простиравшуюся до пятидесяти человек. Из этого числа двадцать человек занимали караул у ворот, пятнадцать человек находились постоянно на дворе дома и пятнадцать в сених» [17, с. 92] охраняя имама. Впоследствии они составили основу мансуровской гвардии созданной по аналогу с «гIера – дружина» [8, с. 211] – известной в прошлом специальной службы занимавшейся охраной депутатов «Мехкан Кхеташо – Совет Страны» [4, с. 62], членов «Мехка Кхиэл – Суд Страны» [4, с. 62] и «Мехка Урхалла – Правительство» [4, с. 62] Чечни. Во главе их стоял «буьйранча – командующий» [15, с. 245] отвечавший за жизнь высших руководителей страны. Помимо этого дружина несла караульную службу, охрану резиденции имама, обеспечивала его личную безопасность в пути следования, на съездах, собраниях, сходах и митингах, а также охрану его семьи и близких родственников.

Таковы основные черты и особенности социальной, налоговой, административно-территориальной и военной реформ осуществленных Шейхом Мансуром для укрепления государственных структур власти в имамате, ее обороноспособности и социальной базы.

¹ ЦАГ Даг. АССР. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2635, ч. 2, л. 106.

² ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. 2, л. 159 об.

За относительно короткий период времени ему удалось провести реорганизацию общественно-политического устройства не только Чечни, но и других регионов Северного Кавказа. Благодаря своим неординарным качествам лидера и ораторскому искусству убеждения в купе с высоким знанием основ исламской религии, обычаев и традиций горских народов Мансур снискал себе имя, навечно вошедшее в историю национально-освободительной борьбы народов Северного Кавказа против колонизаторской политики царского самодержавия.

Список источников

1. Черноус В. В. Кавказская горная цивилизация как субъект цивилизационно-культурного взаимодействия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/10/14/kavkazskaja-civilizacija-subekt-civilizacionno-kulturnogo-vzaimodejstvia.html>. Дата обращения: 13.09.2023 г.
2. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с.
3. Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы. 2009. 423 с.
4. Абдурашидов Э. Д. Чеченско-русский, русско-чеченский словарь юридических терминов. Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий». 2010. 224 с.
5. Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия. 1999. 928 с.
6. Большая Советская Энциклопедия. (В 30 томах). Т. 23. Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: «Советская Энциклопедия», 1976. 640 с.
7. Исмаилов А. Т. «Слово». Размышления о родном языке / Автор и издатель А. Исмаилов. 2-е изд., доп. и переработ. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. 800 с.
8. Вагапов А. Д. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси: Изд-во «Меридиани», 2011. 733 с.
9. БСЭ. Т. 29. М.: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия», 1954. 632 с.
10. Колонтаров Я. Новый таджикско-русский словарь. Душанбе. 2008. 320 с.
11. Чеченско-русский словарь / Хамидова З.Х., доктор филол. наук, профессор. М., 2014. 1104 с.
12. Коран. Перевод смыслов: Э. Р. Кулиев. М.: Издательский дом «Умма», 2007. 688 с.
13. Хасбулатова З. И. «Белхи» как традиционная форма взаимопомощи, связанная с хозяйственным и семейным бытом чеченцев в XIX–XX вв // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С.87–89.
14. Смирнов Н. А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1. М., 1950.
15. Мусаев Х.Х. Русско-чеченский словарь. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2015. 800 с.
16. Хожаев Д. Чеченцы в Русско-Кавказской войне. Грозный: Изд-во «Седа», 1998. 250 с.
17. Дубровин И. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1886. 318 с.

References

1. Chernous V. V. *Caucasian mountain civilization as a subject of civilizational and cultural interaction*. [electronic resource]. Available from: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/10/14/kavkazskaja-civilizacija-subekt-civilizacionno-kulturnogo-vzaimodejstvia.html>. [Accessed 13 September 2023]. (In Russ.)
2. *Islam: Encyclopedic dictionary*. Moscow: Nauka. The main editorial office of the Oriental literature; 1991. 315 p.
3. Akhmadov Ya. Z. *An essay on the historical geography and ethnopolitical development of Chechnya in the XVI–XVIII centuries*. Moscow: Charitable Foundation for the Support of Chechen Literature; 2009. 423 p. (In Russ.)
4. Abdurashidov E. D. *Chechen-Russian, Russian-Chechen dictionary of legal terms*. Grozny: FSUE Publishing and Printing Complex Grozny Worker; 2010. 224 p. (In Russ.)
5. *Peoples and religions of the world: Encyclopedia*. Moscow: The Great Russian Encyclopedia; 1999. 928 p. (In Russ.)

6. *The Great Soviet Encyclopedia. (In 30 volumes)*. Vol. 23. A. M. Prokhorov (ed.). Ed. 3. Moscow: "Soviet Encyclopedia"; 1976. 640 p. (In Russ.)
7. Ismailov A. T. *"The Word". Reflections on the native language / Author and publisher A. Ismailov*. 2nd ed., additional and reworked. Elista; 2009. 800 p. (In Russ.)
8. Vagapov A. D. *Etymological dictionary of the Chechen language*. Tbilisi: Publishing house "Meridiani"; 2011. 733 p. (In Russ.)
9. *The Great Soviet Encyclopedia*. Vol. 29. Moscow: State Scientific Publishing house "Great Soviet Encyclopedia"; 1954. 632 p. (In Russ.)
10. Kolontarov Ya. *A new Tajik-Russian dictionary*. Dushanbe; 2008. 320 p. (In Russ.)
11. *Chechen-Russian dictionary*. Khamidova Z.H., Doctor of Philology, professor. Moscow; 2014. 1104 p. (In Russ.)
12. *The Quran*. Translation of meanings: E. R. Kuliyeu. Moscow: Umma Publishing House; 2007. 688 p. (In Russ.)
13. Khasbulatova Z. I. "Belkhi" as a traditional form of mutual assistance associated with the economic and family life of Chechens in the XIX-XX centuries. *Society: philosophy, history, culture*. 2017;(8):87–89. (In Russ.)
14. Smirnov N. A. The uprising of Sheikh Mansur in the North Caucasus. *Questions of the history of religion and atheism. Collection of articles*. Vol. 1. Moscow; 1950. (In Russ.)
15. Musaev H. H. *Russian-Chechen dictionary*. Grozny: JSC "Publishing and printing complex "Grozny worker"; 2015. 800 p. (In Russ.)
16. Khozhaev D. *Chechens in the Russian-Caucasian war*. Grozny: Publishing house "Seda"; 1998. 250 p. (In Russ.)
17. Dubrovin I. F. *The history of the war and Russian rule in the Caucasus*. Vol. 2. St. Petersburg; 1886. 318 p. (In Russ.)

Информация об авторе

И. Д. Хабаев – старший преподаватель кафедры права Чеченского государственного педагогического университета.

Information about the author

I. D. Khabaev – Senior Lecturer of the Department of Law of the Chechen State Pedagogical University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024; одобрена после рецензирования 06.03.2024; принята к публикации 07.03.2024.

The article was submitted 16.02.2024; approved after reviewing 06.03.2024; accepted for publication 07.03.2024.